Александр Савицкий

Шесть комнат

Александр Савицкий
Шесть комнат

https://litres.ru/74743688
SelfPub; 2026

Аннотация

Метель. Поломка. Шестьдесят километров до ближайшей трассы.

Хозяйка единственного дома на зимнике пускает их на ночлег с одним условием: до третьего петуха из дома не выходить. Ни на крыльцо. Ни за дровами. Ни за телефоном.

Фотограф Аня и бывший следователь Сёма едут по России по блокноту, оставленному её бабушкой: места, о которых нельзя говорить вслух. Это первое. В доме шесть комнат, семь чашек на столе — и один человек, который живёт здесь дольше, чем помнит себя.

Утром Аня обнаружит, что их машина вычищена от снега. А машины, на которой они приехали, у дома больше нет.

Содержание

ГЛАВА 1. Дорога 4
ГЛАВА 2. Семь чашек 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Шесть комнат

ГЛАВА 1. Дорога

Навигатор замолчал на слове «поверните».

Дальше дорога шла прямо, по краю, между стеной снега слева и стеной снега справа. Семён вёл медленно, как ведут собаку, которая вот-вот дёрнет. Аня держала камеру на коленях. Камера была холодная — значит, печка опять не догрела.

— Ещё тридцать километров, — сказал он.

— Ты говорил это двадцать минут назад.

— Значит, проехали двадцать.

Метель шла ровно, без порывов, будто её включили. В такие минуты Аня снимала: метель любит фотографию, она не двигается. Движется только то, что внизу, а снег над дорогой висит и не меняется — и на снимке получается не снег, а шум. Она сняла один кадр через стекло. Потом второй, потому что первый был про стекло, а не про дорогу.

— Ты сними, как мы встрянем, — сказал Семён, не поворачиваясь.

— Ты встрянешь?

— Я всегда встаю.

Он был прав, и это было хуже, чем если бы он ошибался. Семён Дубровин вставал всегда: машины, лодки, буксующие

на льду, люди, которые сдавались. За три года дорог она видела, как он вытаскивал «Соболь» из глины под Плёсом, из песка под Астраханью и из чего-то вовсе непонятного в Дагестане, где местный мальчик сказал: «Тут никто не проходит». Семён прошёл. Он даже не вспотел.

Аня подняла камеру и сняла его сбоку: рука на руле, воротник поднят, шрам на костяшке — след от дела, про которое он не рассказывал.

— Не надо, — сказал он.

Она опустила камеру.

За стеклом прошёл километровый столб. Номер был залеплен снегом, и цифра читалась только по нижней половине: то ли девять, то ли сорок девять, то ли просто трещина.

Блокнот лежал в бардачке. Аня знала, что он там, и не доставала уже часа два — с тех пор, как они свернули с трассы. Достать означало признать, что они едут именно туда, куда едут.

— Напомни, — сказал Семён. — Что там у нас.

— Ночлег.

— Какой ночлег.

— Просто ночлег. — Она открыла бардачок. — Бабушка не писала лишнего.

Блокнот был старый, в коленкоровой обложке, с обгоревшим нижним углом. Аня не знала, откуда огонь: когда она его получила, угол уже был такой. Внутри — восемьдесят страниц чужого аккуратного почерка, цифры, даты, корот-

кие строки, и двенадцать адресов, которые бабушка подписала не названиями городов, а как людей: «Ночлег». «Скит». «Камни».

Первая страница начиналась словами, которые Аня знала наизусть и не понимала:

Место помнит того, кто его назвал. Пока не назовёшь — не отпустит.

— Вот это меня и смущает, — сказал Семён. — «Не отпустит». Что не отпустит, кого.

— Место.

— Аня.

— Что.

— Я серьёзно.

— Я тоже серьёзно. — Она закрыла блокнот. — Ты сам согласился.

— Я согласился на год.

Он сказал это ровно, без нажима, и от этого стало холоднее. Год закончился два года назад. Они оба это знали и оба молчали — как молчат о вещах, которые нельзя произнести, потому что после этого придётся что-то делать.

Метель усилилась. Не резко — просто видимость стала меньше на треть, и Семён сбросил скорость до сорока.

— Если до темноты не дойдём, — сказал он, — встанем тут. Переночуем.

— В машине?

— В «Соболе» тепло. Одеяло есть. — Он постучал по ру-

лю. — Не в первый раз.

Они действительно ночевали в «Соболе» — под Тюменью, в феврале, при минус двадцати шести. Утром у Ани застыли пальцы так, что она не смогла нажать на кнопку спуска, и заплакала от злости, а не от боли. Семён тогда отогрел ей руки под мышками, и это было одно из последних воспоминаний, которое она до сих пор держала в себе целиком.

Она достала телефон. Сети не было уже сорок минут — норма для этой дороги, но она всё равно посмотрела. На экране висело последнее сообщение, от редактора, три часа назад:

Аня, ну как вы там? Если найдёте что-то интересное — пришлите. Не обязательно текст, хоть фото. У нас номер почти собран.

Она набрала: «Едем». Сообщение не ушло.

— Не уйдёт, — сказал Семён.

— Знаю.

— Тогда зачем.

— Затем, что когда уйдёт, я его отправлю.

Он хмыкнул. Это было почти хорошо — между ними ещё оставалось место для такой ерунды.

Дорога пошла вниз. У Ани заложило уши, и она сглотнула. Снег по краям стал выше: не забор, а вал, будто его специально сгребали. И тут же, на спуске, «Соболь» клюнул носом.

Дёрнулся.

Заглох.

Семён не swore — он вообще не ругался при поломках, и это было хуже любой ругани. Он поставил на нейтралку, потянул ручник, послушал тишину. Метель за стеклом не изменилась ни на грамм.

— Генератор? — спросила Аня.

— Если бы.

— Свечи?

— Может быть.

— Ты не уверен?

— Я не уверен.

Он открыл дверь, и в салон вошёл холод — сразу, весь, как будто ждал снаружи. Семён вышел, поднял капот. Аня смотрела на его спину через стекло: куртка, ссутуленные плечи, фонарь в руке. Он не суетился. Он вообще никогда не суетился — когда-то это было главным, за что она его полюбила, а потом стало главным, от чего у неё сводило зубы.

Он вернулся через семь минут. Фонарь погасил, сел.

— Не заводится.

— Совсем?

— Совсем. — Он снял перчатки, положил на панель. — Аккумулятор живой. Стартер не крутит. Похоже на проводку, но искать на морозе, в метель, без света — это не ночь, это месяц.

— И что.

— И то, что мы одни на дороге, которой нет на картах.

— Она есть.

— Её нет, Аня.

Он сказал это так, как говорят не про карту.

— Сколько до ближайшего жилья? — спросила она.

— По бумаге — сорок километров.

— А по-настоящему?

— А по-настоящему я не знаю, потому что по бумаге здесь никто не ездит. — Он откинулся на спинку. — И телефон — кирпич.

Ветер ударил в бок машины. «Соболь» качнулся чуть-чуть, и стало слышно, как снег царапает по металлу. Аня уже не помнила, когда в последний раз была в такой тишине. Не в смысле без звуков — как раз наоборот: звуков было много, и все они были одинаковые. Снег. Снег. Снег.

— Ладно, — сказал Семён. — Сидим. До утра. Утром попробую ещё раз, а если нет — идём пешком. Пятьдесят километров по зимнику без связи — это два дня, если идти правильно.

— Если идти правильно.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Знаю.

Она действительно знала. Когда Семён говорил «если идти правильно», он имел в виду то, чего ей знать не надо было, и она никогда не спрашивала.

Она взяла камеру и сняла то, что было снаружи. Получилось ничего: белое на белом. Потом повернулась и сняла му-

жа. Он в этот раз не заметил.

Потом она подняла камеру чуть выше.

— Семён.

— М.

— Смотри.

В метели, прямо впереди, в сорока метрах, светилось окно.

Одно-единственное. Свет в нём был ровный, не дрожащий. Не мигающий.

Генератор мигает. Свечка неровная. Лампа в доме, где живут люди, — что-нибудь да прыгает: кто-то проходит мимо, что-то открывают, дверь хлопает, тень меняется. Этот свет стоял.

Семён смотрел долго. Потом сделал то, что делал в каждом месте, куда они приезжали, — сказал, будто подводил итог разговору, которого не было:

— Ну вот. И кто-то же тут живёт.

— Дом? — спросила Аня.

— Дом.

— В таком месте?

— В таком месте тоже живут, — сказал он. — Место не бывает пустым, если кто-то в нём зажёг свет.

Он надел перчатки, шапку, достал из багажника фонарь и лопатку. Аня натянула капюшон, спрятала камеру под куртку — она всегда прятала её под куртку, даже когда в кармане было суше. Это была привычка из тех, что остаются от стра-

ха. Камера — самое дорогое, что у неё есть, и самое дорогое, за что она могла сейчас ухватиться.

Они вышли, и дороги кончилось — не стало, как не стало звука.

Снег по краям был в рост, с протаявшими горизонтальными полосами, как слоёный пирог. Ветер здесь был не такой, как на возвышенности, — он шёл понизу, подметал. Аня пошла за Семёном, ставя ноги в его следы, и всё равно проваливалась по колено.

Окно было одно, за ним ещё одно, тусклое и с краю, а больше дом ничем не выдавал себя: крыша, стена, сугроб до подоконника. Из трубы шёл дым — ровный, прямой, не рваный.

— Смотри, — сказал Семён.

— Что.

— Дым.

— Ну.

— Он не гнётся.

Она посмотрела. Дым в самом деле поднимался вертикально, хотя ветер был такой, что на дороге не стояли ноги. С пятидесяти шагов это было незаметно, но здесь, вблизи, стало видно: дым поднимался прямо, будто внутри шли на воздух.

— Может, с той стороны затишье, — сказала она.

— Может.

— Или дом построен как-то по-особенному.

— Или так.

Он сказал это тем же голосом, что и про карту. И Аня впервые за весь день почувствовала, как у неё сводит под ложечкой — не от холода.

Они подошли к крыльцу. Ступеньки были сметены, хотя вокруг лежали сугробы выше пояса. Аня сняла перчатку и коснулась перил: дерево было тёплое. Не горячее. Просто тёплое — так, как бывает дерево, если его держали руками.

— Семён.

— Вижу, что ты хочешь сказать.

— Я не сказала.

— Тебе не надо было.

Он постучал. Три раза, твёрдо.

Внутри — ни звука.

Он постучал снова, и где-то, в глубине дома, что-то ответило: шаги. Медленные, спокойные, как будто человек, прежде чем идти, поставил на плиту чайник и поправил половик.

Замок щёлкнул. Дверь открылась.

На пороге стояла женщина лет шестидесяти, в тёплом платье и шерстяных носках, с полотенцем через плечо. В доме за её спиной горел свет — тёплый, ровный, масляный. Пахло тестом и ещё чем-то, что Аня не сразу узнала, а потом узнала: соль. Не в еде. Просто соль — как будто в доме ею дышали.

Женщина посмотрела на Семёна. Потом на Аню. Потом

снова на Семёна.

— Замёрзли, — сказала она. Не спросила — сказала.

— Могли бы, — ответил Семён. — Машина встала. Можно у вас до утра?

Женщина не двинулась с места. Она смотрела, и в этом взгляде не было ни радости, ни подозрительности, ни даже обычной деревенской осторожности к чужим. Была только одна вещь, которую Аня узнала, потому что видела её в собственных зеркалах последние два года: это было лицо человека, который очень давно ничего не ждёт.

— До утра, — повторила женщина.

— До утра.

Она посторонилась.

— Заходите. Не на пороге.

Семён шагнул первым, как всегда. Аня — за ним, и на пороге у неё вырвалось, как у мальчишки, что надо было сказать простое:

— Спасибо вам.

Женщина закрыла дверь и повернула ключ. Один раз.

— Спасибо скажешь, когда уедешь, — сказала она. — У нас тут порядок такой: до третьего петуха из дома не выходят.

— А у вас петухи? — спросил Семён, стряхивая шапку.

Женщина посмотрела на него.

— Нету.

— А как же тогда?

— А так и. — Она пошла вглубь дома, и голос её доносился из кухни, чуть приглушённый и совершенно спокойный. — Дом знает. Чаю хотите?

Аня стояла в сенях, снимала сапоги и понимала, что не может перестать смотреть на дверной замок. Замок был старый, с длинной задвижкой и дополнительной скобой. И к нему изнутри был приварен металлический прут — не в щеколду, а в стену. Так не запирают на ночь.

Так запирают, чтобы никто не мог открыть снаружи.

Семён уже ушёл на кухню. Аня сняла последний сапог, поставила его аккуратно на коврик — она всегда ставила сапоги аккуратно, даже здесь — и только тогда заметила у стены в углу обувную полку.

На полке стояли шесть пар обуви.

Они ещё не прошли дальше сеней. Хозяйка шла по кухне одна — слышно было по половицам. Дома никого больше не было.

Она оглянулась на дверь, потом на полку. Потом снова на дверь.

Из кухни раздался голос:

— Идите, чайник ушёл.

Аня пошла на свет.

ГЛАВА 2. Семь чашек

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.